

вопросы, транслировали (вероятно) сиблинговые конкурирующие отношения анализанта и «отреагировали» их в виде неудобных вопросов, в которых явно улавливалось возмущенное «что Вы себе позволяете?!». Проявления пассивной агрессии, наблюдаемые в ходе обсуждения доклада, похожи на пассивную агрессию, которую анализант постоянно проявлял по отношению к своему брачному партнеру, регулярно изменяя ему, а также при расставании с сексуальными партнерами. Пассивная агрессия также наблюдалась и в отношениях с аналитиком, когда анализант прерывал терапию и обесценивал достигнутое и понятное на терапевтических сессиях. Но время, отведенное для танго доклада закончилось, и страсти не успели набрать обороты стихийного бедствия. В завершение одна из слушателей озвучила, что в обсуждении было слишком много нападения на спикера. Ее голос прозвучал как голос наблюдающего Эго, который так редко звучит во внутреннем пространстве анализантов с доэдипальным уровнем функционирования.

Стили отношений в паре весьма похожи на танго, на мой взгляд. Существует много вариаций, видов и направлений этого танца, все они достаточно сильно отличаются хореографией и музыкальным сопровождением. Если рассматривать классическую классификацию танго, основанную на различиях в хореографии и музыкальном сопровождении, то можно выделить следующие стили:

Аргентинское танго. Этот стиль максимально приближен к аутентичному танго, который исполняется в Аргентине и Уругвае. Рассматриваемое направление представляет

собой смешение стилей, направлений и разновидностей национальных народных латиноамериканских танцев с примесью ритмов даже африканских направлений. Все виды аргентинского танго основаны на принципах импровизации в танце.

Бальное танго. Это спортивный танец, который является полноправным участником международных конкурсов. Главным отличием этого стиля от аргентинского танго является полное отсутствие импровизации и более высокий темп исполнения. Здесь четкие нормы и правила танца — положение корпуса тела и головы, следование линиям, выполнение строго обозначенного перечня элементов и т.д. Бальное танго требует четкости как в движениях, так и в музыке, этот стиль менее мелодичен и плавеен, чем аргентинское танго.

Так, стиль танго выше упомянутого анализанта при взаимоотношениях с брачным и сексуальными партнерами, а также с аналитиком похож на аргентинское танго. Здесь бушуют страсти, много драйвов и непредсказуемости. Представьте пару на танцполе, которая ни разу вместе не танцевала, и у каждого партнера свое представление об аргентинском танго, свой стиль и опыт его исполнения. Аналитик же, скорее, будет тяготеть к отношениям на сессиях, больше напоминающих бальное танго — с четкими правилами и нормами, контролируемые страстями, которые должны укладываться в определенные критерии. Столкновение стилей аргентинского и бального танго, формата доклада и формата супервизии прекрасно проиллюстрировали параллельные процессы, развернувшиеся в групповом обсуждении доклада. ■

Генералы песчаных карьеров

Ларина Екатерина-К. Николаевна

- психолог, психоаналитик
- сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- член Правления РО-Екатеринбург (ЕАРПП)

В своем докладе автор Васильева Елена Владимировна соотносит особенности мышления подростков из неблагополучных семей с характером первобытных танцев, свойственных примитивным племенам — жестко регламентированным, где нет свободы и легкости, нет творчества и самовыражения. «Эти дети не танцуют» — так называется доклад Е.В. Васильевой. Когда-то супервизор сказала мне: «Психоаналитик — это тот человек, который называет вещи своими именами». Так Елена Владимировна называет своими именами те страшные вещи, которые происходили в истории подростков, поступивших к ней в коррекционную работу. Она честно, не сглаживая и не преуменьшая, говорит о том, что происходит с этими пока еще невзрослыми людьми, жертвами «танца отношений» с собственными матерями.

Эта тематика о трагической ситуации детей, не получивших тепла, заботы, эмоционального включения неизменно глубоко трогает душу. На их долю достались побои, сексуальное и эмоциональное насилие, ненависть или равнодушие. В багаже их ощущений и переживаний боль, страх, ярость, пронзительное чувство одиночества. В их мире нет доверия и вечная тревога. Они не нужны, они не хороши, в каком-то смысле не живы.

Часто их родители лишены родительских прав, а дети попадают на психокоррекцию в кабинет к специалисту.

Психолог, работая с этими подростками, сталкивается с ригидными, непробиваемыми психологическими защитами. Ибо только такие защиты могут сохранить рассудок ребенка, подвергающегося истязаниям, насилию, унижениям. В контрпереносе психолога или психоаналитика присутствует весь набор тяжелых переживаний, о котором подростки не в силах говорить, либо говорят механически, неэмоционально, с бесстрастными лицами: ужас, тоска, захлестывающая ненависть, ощущение могильного холода, а также много недифференцированных чувств.

Невозможность распознать сильные чувства рождена ранним взаимодействием с матерью, которая не взяла на себя символизирующую функцию по отношению к своему ребенку. Она не играла с его ручками, пальчиками, не называла их, не прикасалась ласково к телу. Она не объясняла и не успокаивала. В отношениях была прерывность и нестабильность — такие матери часто исчезают из поля ребенка, уходя или напиваясь. Ребенок в подростковом возрасте бессознательно нападает на такую мать, и это сказывается как на повседневной жизни таких детей, так и в терапии: процесс идет очень медленно, с периодическими разрушениями любого успеха, любого продвижения к установлению контакта.

И все же эти дети — раненые, расщепленные — бессознательно желают помощи, теплого включения и любви, как этого желает любое живое существо. Поэтому, уходя из кабинета психолога, они забывают свои вещи, оставляя негласное послание: «не забудь обо мне, дай мне шанс вернуться». Беда и мука глубоко пограничных личностей — конфликт между ужасом поглощения и страхом одиночества — в детских устах звучит трагически: «сгинь, умри — будь рядом всегда!». Так же они надолго оставляют в кабинете свой запах как напоминание о себе и одновременно как нападение на терапевта.

Их единственная возможность приблизиться к матери — стать таким, как она. Психика осуществляет защиту «идентификация с агрессором» и тогда может состояться хоть какой-то контакт с ней. «Тогда, — говорит ав-

тор доклада, — во внутреннем мире ребенка появляются и агрессор и жертва — разыгрывается драма боевика». Поле битвы выступает собственное тело, не присвоенное, не обозначенное в психическом ребенка. Эти дети познавали свое тело через боль, а не через ласковые прикосновения матери. Поэтому, для того, чтобы хоть ненадолго были обретены границы, появилось ощущение собственного тела, его сознательно режут и калечат и бессознательно подставляют под удар. Здесь садист нападает на себя и сам же мазохистически страдает. Они часто попадают в опасные ситуации, подвергая повреждениям свое тело. В данном случае такое поведение не является суицидальным: подростки стремятся ощутить тело своим, а себя — живыми. Когда из порезов стекает теплая кровь, это успокаивает, как мамино молоко, умиротворяющее, насыщающее, дающее жизнь.

Каким образом существуют эти подростки во внешнем мире и какова их внутренняя реальность?

Для того, чтобы защититься от невыносимого страха, психика изолирует чувства и снижает способность думать. Часто дети из подобных семей тихие, много спят, неэмоциональные или умственно отсталые. Они употребляют психоактивные вещества или алкоголь. Их способ защититься: либо исчезнуть, отключиться, либо напасть. Они нападают на все хорошее, чего никогда не было и нет у них, т.к. все хорошее, даже жизнь, связано с материнской фигурой, которая не могла выполнять свою материнскую задачу. Эти дети часто воруют, мучают животных, отличаются деликвентным поведением.

В истории развития их психического аппарата не было вербализации, символизации, присвоения своего тела. Они «неотзеркаленные», они не знают, какие они. Их привязанность не сформирована или амбивалентна. Ментализирующая функция крайне слаба. У них нарушено ощущение непрерывности, которое формирует мать своим присутствием. Но их матери надолго уходили — в запой, в похмельный сон.

Елена Владимировна сравнивает мышление этих подростков с ритуальными танцами примитивных народов, обладающих мифологическим нарциссическим мышлением. Такое мышление предполагает жесткую, кост-

ную систему знаний, где нет места размышлениям и сомнениям. Все предопределено. В ритуальных танцах это выражается через ритм и заданность движений. Воля богов будет передана через шамана, творческого начала нет, нет рефлексии, нет свободы. Как в ритуальных танцах, в мышлении этих подростков все задано, жестко и предопределено. Они не обладают свободой, даже если ведут себя «расхлябанно», жуют жвачку и употребляют ненормативную лексику в присутствии психоаналитика. Они зажаты. Психика, оставшаяся на уровне маленьких детей или психически больных, обладая мифологичностью мышления, заставляет их верить в силу мысли и слова. Подростки боятся произнести и даже подумать что-то, опасаясь, что мысли и слова сбудутся, так же, как сбудутся интерпретации аналитика. «Все это реализуется и может реализоваться прямо здесь. Здесь нет места даже подавленным мыслям, вытесненным мыслям и идеям».

Автор доклада попыталась представить мышление подростков из неблагополучных семей в метафоре танца и делает вывод с этой точки зрения — такие дети не танцуют. Они не могут этого делать в том смысле, в котором говорит о танце Ницше — как о процессе, где много легкости и мысли, где тело становится художественным произведением. Их путь — путь навязчивого повторения, путь ритуалов. Если говорить в терминах французского психоанализа, эти дети — «добровольные галерщики» (Жерар Швек «Добровольные галерщики»), пытающиеся найти успокоение в бесконечном вызове своему трагическому опыту. Но каждый раз они терпят неудачу, и мимолетное успокоение оборачивается еще более высоким уровнем тревоги, всегда сопровождающей их. Это удел детей, чей первичный нарциссизм дефицитен и хрупок.

Есть ли у этих детей шанс? Некоторые из них способны, пусть очень медленно и мучительно, но продвигаться в терапии. Длительная техника присоединения и контейнирования дает свои плоды. Постепенно отступает характерная для них амнезия, когда они не могут вспомнить, что было полгода назад. Жесткое убеждение уступает место сомнению: они начинают сомневаться, является ли их воспоминание фантазией или же реальным событием. Подростки перестают бесконечно озираться и начинают говорить без страха, что сказанное непременно исполнится. Они становятся способными обдумать то, что хотели бы себя убить. И чем больше они говорят об этом, тем менее тревожными они становятся в реальной жизни за порогом кабинета психолога. Их меньше тянет в опасные ситуации. Их ярость перенаправляется в занятия спортом. Появляются зачатки критического мышления, они начинают замечать, когда ведут себя с аналитиком как жертвы или провоцируют его на агрессию.

Когда-то мне приходилось строить генограммы таких пациентов. В истории их семей дети страдали из поколения в поколение. Не обязательно это были поколения алкоголиков, хотя чаще всего именно так. Однако, история насилия и унижений могла начаться с травмы, которая осталась не переработана и не интегрирована в психику ее носителя. Тогда следующие поколения получали заряд колоссального психического напряжения, с которым пытались справиться, выбирая опасные профессии или погружаясь в зависимость. Они несли в себе чужую травму, о которой даже не подозревали. Терапия дает им шанс прекратить череду насилия, боли, разрушений себя. ■